

Преподобноисповедник
Сергий (Сребрянский)

Священническое служение Сергия (Сребрянского) (до монашеского пострига в 1919 г. – иерея Митрофана Сребрянского) тесно связано с историей Марфо-Мариинской обители милосердия.

Отец Митрофан разработал первый Устав Обители, долгие годы был духовником для сестер, в частности, им было написано «Наставление духовного отца сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия».

Великая княгиня Елизавета Феодоровна писала о нем Николаю II: «Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, оказывает мне огромную помощь и подает пример своей чистой, простой жизнью, такой скромной и высокой по ее безграничной любви к Богу и Православной Церкви. Поговорив с ним лишь несколько минут, видишь, что он скромный, чистый и человек Божий, Божий слуга в нашей Церкви».

Преподобноисповедник Сергий (Сребрянский) прожил долгую жизнь, став свидетелем многих, в том числе трагических событий рубежа XIX-XX вв. Он прошел Русско-японскую войну в качестве полкового священника. За героическое служение получил высокие военные награды. В 1906 г. был издан «Дневник полкового священника», который отец Митрофан вел с момента отправления его полка в Маньчжурию и до возвращения в Россию.

В 1923 г. отец Сергий был впервые арестован и в годы гонений за веру провел в лагерях и ссылках в общей сложности 16 лет.

Последние годы его жизни прошли в с. Владычня Тверской области.

Отец Сергий был хорошо известен как человек святой жизни, к нему часто обращались за молитвенной помощью жители села и люди, специально приезжающие издалека.

В 2000 г. архимандрит Сергий (Сребрянский) был причислен к лику святых как преподобноисповедник.

Мощи святого Сергия (Сребрянского) сейчас находятся в Воскресенском кафедральном соборе г. Твери.

Детство

1 августа 1871 года в селе Тресвятское, недалеко от Воронежа, в семье священника Василия Васильевича Сребрянского родился четвертый сын Митрофан.

Мать всегда настаивала, чтобы детей называли строго по святцам, поэтому новорожденному дали имя в честь святителя Митрофана Воронежского. Уже ребенком Митрофан с глубочайшим трепетом и почтением относился к святителю Митрофану Воронежскому. Образ жизни святого оказал серьезное влияние на становление будущего подвижника.

В своих дневниках отец Митрофан писал: «Помню, как в детстве трогали душу жития святых и рассказы из жизни мучеников. Каким-то пламенем загоралось тогда все существо, мысль летела к ногам тех дивных святых и мучеников, одни имена которых наполняли душу восторгом».

В семье царила атмосфера любви, почитания родителей и богобоязненности. В частности, существовала такая интересная традиция: когда ребенку исполнялось четыре года, отец приводил его к матери и торжественно объявлял, что с этого дня дитя может соблюдать все посты.

В семье к родителям все дети относились с большим почтением и обращались на «Вы». С годами они оценили строгость в воспитании, вспоминали детство всегда с благодарностью.

Впоследствии отец Митрофан придавал большое значение своему происхождению из старинного духовного рода. С любовью он говорил о своем талантливом родственнике – поэте Андрее Сребрянском.

Андрей Сребрянский, как и все члены семьи по мужской линии, закончил Воронежскую духовную семинарию.

Его перу принадлежит стихотворение «Слеза молитвы»:

Спаситель! Спаситель!
Чиста моя Вера, как пламя молитвы...
Но Боже, и Вере могила темна...
Что слух мой заменит? Потухшие очи? -
Глубокое чувство остывшего сердца?
Что будет жизнь духа без этого сердца?
На крест, на могилу, на небо и землю,
На точку начала, на цели творений
Творец Всемогуший
Накинул завесу, положил печать.
Печать та навеки.
Ее не расторгнут миры, разрушаясь;
Огонь не растопит? не смоеет вода...
Прости ж мне, Спаситель,
Слезу моей грустной вечерней молитвы!
Во тьме она светит любовью к тебе;
Холодное горе ея отогрето
Надеждой небесной и детским доверьем
Святой твоей воле.

1830 г.

В «Дневнике полкового священника» Митрофан Сребрянский записал свои детские воспоминания: «Как я любил еще ребенком день открытия мощей святителя Митрофания! Иду, бывало, в церковь; после обедни молебен, папаша поздравляет меня с днем ангела и, целуя, дает просфору. Отец святым мне тогда казался, а храм-небом! Счастливое детство!...Радости моей нет конца, и я смотрю мамаше в глаза ее голубые, ну до чего они милы мне!».

В возрасте 10 лет Митрофан поступил в Воронежское духовное училище. Там он проучился пять лет, а по окончании поступил в Воронежскую духовную семинарию.

Сейчас на родине отца Митрофана (Сребрянского) в селе Тресвятское (современное название – Парижская Коммуна) восстановлен колодец на месте источника, существовавшего в годы детства подвижника. Святой источник назван в честь преподобноисповедника Сергия (Сребрянского).

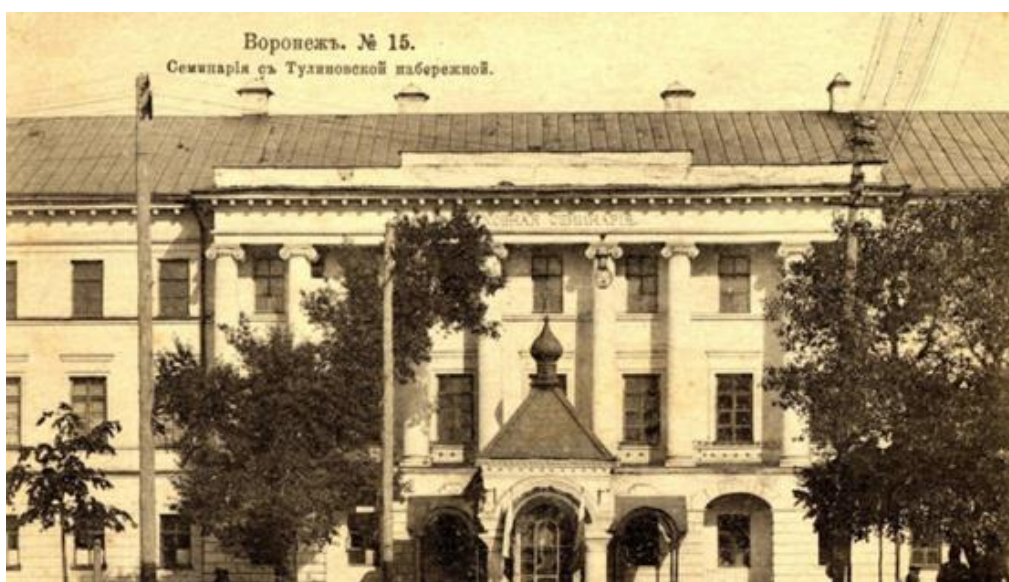
Годы учебы и духовного поиска

В семинарии

Основы знаний Митрофана были заложены в Воронежском духовном училище и духовной семинарии. В Воронежской семинарии обучались несколько поколений детей Сребрянских, образовав духовную династию.

Воронежская духовная семинария в то время являлась крупнейшим учебным заведением г. Воронежа и одним из старейших в России (основана в 1746 г.).

Выпускники семинарии получали блестящее образование. Помимо богословских предметов семинаристы изучали математику, философию, поэзию, историю. Особое внимание уделялось изучению языков.

С греческого выполнялись переводы классических авторов, также был обычай готовить уроки по основным предметам по латинским книгам и составлять сочинения на латинском языке. Изучались и «новые» языки, в основном французский и немецкий.

Историограф Воронежской духовной семинарии П. В. Никольский писал, что обычным внеурочным занятием учеников высшего класса было составление богословских речей и проповедей на русском и латинских языках. Лучшие произведения потом защищались на публичных диспутах, а лучшие семинаристы писали речи для епископа. Их сочинения переписывались в специальную богато украшенную книгу на золотообрезной бумаге и хранились в семинарской библиотеке.

Во второй половине XIX в. в семинарии стали особо обращать внимание на преподавание прикладных светских наук, ввели курсы по сельскому хозяйству и медицине.

В семинарии была своя больница, аптека, трапезная. Кроме обычных классных помещений имелся иконописный класс, класс физики и астрономическая обсерватория.

Все полученные знания отец Митрофан применял на протяжении всей жизни. Так, в своем «Дневнике полкового священника» он рассказал, как с легкостью объяснял солдатам устройство земли и образование гор.

Здание духовной семинарии в Воронеже сохранилось и по сей день. На нем установлена мемориальная доска с именами выпускников, прославивших учебное заведение.

Среди них – имя новомученика-преподобноисповедника Сергия Сребрянского (в миру Митрофана Сребрянского).

Ветеринарный институт

В XIX в. с появлением в обществе идей либерализма многие ученики переходят в светские заведения, а некоторые после окончания семинарии пытаются найти свой путь на поприще прикладных наук в светских институтах. Одним из них был Митрофан Сребрянский.

В 1892 году Митрофан, окончив Воронежскую духовную семинарию по второму разряду, поступает в Варшавский ветеринарный институт.

Семейное предание гласит, что такое важное решение принималось коллегиально на семейном совете. К тому моменту два старших брата Митрофана уже получили дополнительно светское образование – один из них успешно преподавал в гимназии, другой работал учителем. Поэтому желание Митрофана продолжить учебу и овладеть профессией не было шокирующим. Выбор профессии ветеринара был также логичен – это одна из самых нужных профессий на селе. Таким образом было принято решение благословить юного Митрофана на поездку в Варшаву для учебы.

Оказавшись среди равнодушных к вопросам веры студентов, во враждебной правосла-вию католической Польше, он начал усердно посещать православный храм. Митрофан подружился с сокурсником по ветеринарному институту Полиевктом Исполатовским, также родом из семьи потомственных священников. Впоследствии дружбу с ним отец Митрофан пронес через всю жизнь.

Живя в Варшаве, Митрофан стал сомневаться в правильности выбора своего профессионального пути. В душе было пламенное желание служить народу, но достаточно ли было ограничиться внешним служением, стать специалистом в нужном для крестьян деле ведения хозяйства?

Душа молодого человека, сохранившего от детства религиозные впечатления и получившего православное образование, ощущала неполноту такого рода служения, и он решил вступить на поприще духовного служения – стать священником.

Венчание и пастырский путь

Священный брак

Со своей будущей супругой Митрофан Сребрянский познакомился в Варшаве. Ольга Владимировна Исполатовская родом из села Владычня Тверской области, из семьи потомственных священнослужителей.

Во время одного из приездов к своей старшей сестре в Варшаву она встретила с Митрофаном Сребрянским. Эта случайная встреча привела к большой любви.

Из воспоминаний О. Л. Карасенко: «Оба они, как и тетя Оля, так и наш Батюшка, были необыкновенной судьбы: и тот, и другой из семьи священника. Воспитаны были в патриархальных идеалах и убеждениях. Это знакомство окончилось бракосочетанием». Митрофан Сребрянский так говорил о супруге: «Внешность моей Олюшки была мне так симпатична, и, кроме того, ее облик мне всегда напоминал покойную мою мамашу».

Из воспоминаний О. Л. Карасенко: «Оба они, как и тетя Оля, так и наш Батюшка, были необыкновенной судьбы: и тот, и другой из семьи священника.

Воспитаны были в патриархальных идеалах и убеждениях. Это знакомство окончилось бракосочетанием». Митрофан Сребрянский так говорил о супруге: «Внешность моей Олюшки была мне так симпатична, и, кроме того, ее облик мне всегда напоминал покойную мою мамашу».

Путь пастыря

После женитьбы Митрофан Сребрянский принимает решение оставить ветеринарный институт, и они с молодой женой возвращаются в Воронежскую губернию.

2 марта 1893 г. епископ Воронежский Анастасий (Добрадин) рукоположил Митрофана Васильевича в сан диакона, и вскоре он принимает приход Стефановской церкви в слободе Лизиновка Воронежской губернии.

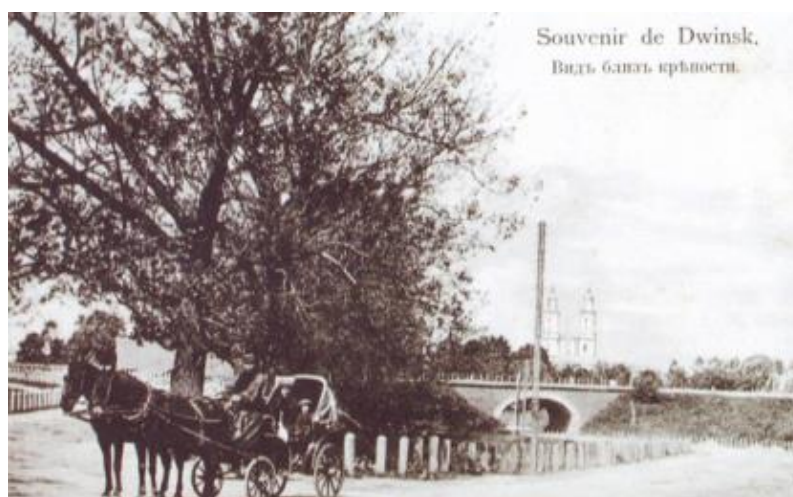
После служения в Лизиновке о. Митрофан начинает свой долгий и славный путь полкового священника. В 1894 г. епископ Острогожский Владимир (Соколовский) рукоположил его в сан священника с назначением полковым священником 47-го драгунского Татарского полка (г. Рыпин Полоцкой губернии).

Из газет того времени мы узнаем, что уже тогда, в начале своего пути, молодой о. Митрофан проявил себя как незаурядный пастырь и добрейший, отзывчивый человек. Вот что писали газеты о своем батюшке при прощании с ним перед назначением в

Двинск: «...Бессребреник, он всегда отдавал все свои деньги на церковь, говоря, что это пожертвования от неизвестных, а в полку хорошо знали, что это были деньги о. Митрофана, полученные за требы.

Его трудами были собраны деньги на иконостас для строящегося храма...Весь полк, все дамы, все городское общество собрались проводить отъезжающего, на подъезде и улицах стояла масса бедного люда».

В 1896 г. о. Митрофан был перемещен на вакансию второго священника в Двинский военно-крепостной собор, также он вступил в должность законоучителя начальной школы.

В 1897 г. о. Митрофан получил назначение в Орел настоятелем Покровского храма Черниговского полка, шефом которого была Великая княгиня Елизавета Феодоровна. Это назначение стало поворотным в судьбе священник Митрофана Сребрянского и оставило яркий след в его жизни и жизни его прихожан.

Участник Русско-японской войны

Пастырь на войне

Когда началась Русско-японская война, отец Митрофан уже 7 лет служил настоятелем Покровского собора в Орле и полковым священником 51-го драгунского Черниговского полка, шефом которого была Ее Императорское Высочество Великая княгиня Елизавета Феодоровна.

Всем сердцем он любил свою воинскую паству, которая также горячо привязалась к пастырю. В 1904 году, с началом войны, полк выступил в поход на Дальний Восток и вместе с ним - отец Митрофан.

Лучше всего об этом периоде жизни рассказывает сам отец Митрофан в своих дневниковых записях, которые позже были изданы отдельной книгой «Дневник полкового священника».

Дневник не предназначался автором для печати, отец Митрофан вел записи исключительно для себя и близких людей. Но по настоянию родственников и почитателей в 1906 г. вышел в Санкт-Петербурге отдельной книгой с таким названием – «Дневник священника 51-го драгунского Черниговского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны полка Митрофана Васильевича Сребрянского, с момента отправления его в Маньчжурию 11 июня 1904 года по день возвращения в г. Орел 2 июня 1906 года».

Один из экземпляров книги 1913 г. издания есть в коллекции Дома-музея Великой княгини Елизаветы Феодоровны в Марфо-Мариинской обители.

Дневник был переиздан 3 раза, книга стала «бестселлером» своего времени. Интересна она и современному читателю спустя век с момента ее написания.

Она дает представление об отце Митрофане как о смиренном пастыре, верном своему священническому долгу.

Вот как сам отец Митрофан высказывался о своих записях: «Сегодня встал и думаю: вот я пишу вам письма, а вы, вероятно недовольны. Человек находится на войне, а сражений не описывает. Что ж делать? Пишу только то, что сам переживаю. С чужих слов не хочется писать. Часто записываю пустяки, но нужно помнить, что здесь наша жизнь течет совсем по-другому, и нередко маловажное событие оказывает весьма большое влияние на нашу духовную настроенность».

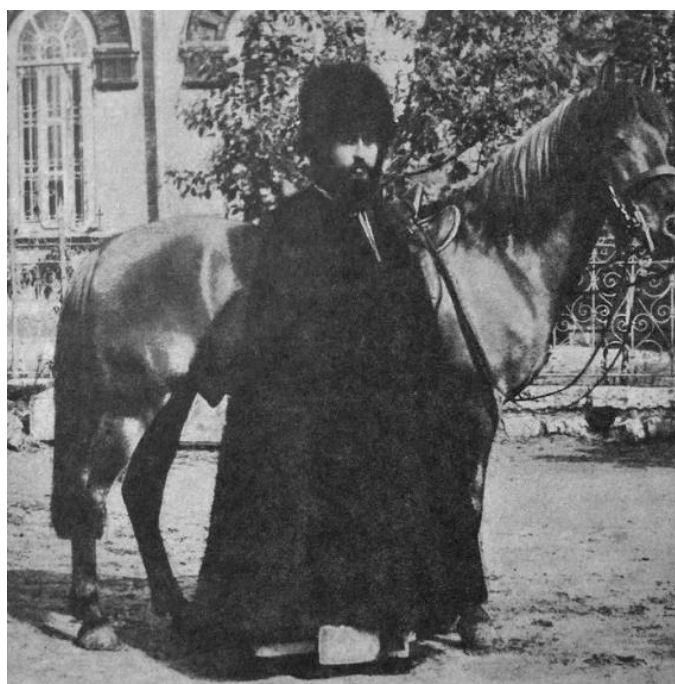
В тяжелых условиях войны, где солдаты и офицеры рисковали жизнью, он увидел, насколько русский человек любит свою Родину и с готовностью отдает за нее свою жизнь.

С любовью отец Митрофан описывает красоту походных богослужений: «Погода прекрасная. Началось богослужение и с кадильным фимиамом понеслись наши мольбы и славословия туда, в синеву небес, к сотворившему вся. Я сам читал стихиры и каноны. Невыразимо хорошо, покойно было на душе. Особенно умирительно было, когда под открытым, уже при мерцании звезд опустились все на колени, я перенес св. крест, и мы запели: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко».

Из дневника мы узнаем о всех тяготах войны, которые переживал отец Митрофан вместе с солдатами: «В праздник прибавляются богослужения, впрочем, я и в будни служу иногда в эскадронах, пользуясь военным

затишьем. Во время же сражений, когда мы были на позиции, и во время передвижений все шло, конечно, совершенно иначе: десять дней мы не ели даже хлеба, питаясь только сухарями, пили и умывались почти грязью и прочее».

Читая дневник, мы узнаем о деталях жизни отца Митрофана, и перед нами предстает живой человек со своими привычками и пристрастиями: «Я узнал по секрету, что Михайло, зная как я люблю лимоны, сел в поезд и уехал за ними за 50 верст. Спасибо им, эти истинно добрым душам; участие их до глубины души трогало меня».

В «Дневнике полкового священника» отец Митрофан несомненно проявил талант литератора, но читателя подкупают в первую очередь искренность и простота изложения, взгляд на мир, полный веры в Бога, даже в страшных условиях войны.

В чужом краю священник и воины были одной большой семьей. Батюшка разделял все тяготы суровой походной жизни на войне. Как мог, он поддерживал солдат.

Так отец Митрофан специально привез из Орла для своих солдат самовар, чтобы совместные чаепития напоминали о доме, согревали теплом. Сейчас этот самовар является одним из экспонатов музея в Марфо-Мариинской обители.

С любовью и добрым расположением отец Митрофан относился к каждому воину, поддерживал боевой дух солдат: «Просил их постараться в трудах, болезнях, и сражениях не унывать, а все силы души и тела направить к тому, чтобы честно исполнить здесь на земле свой долг воина-христианина, а там- хотя бы и смерть, она тогда- блаженство; просил их также не сквернословить, объяснив им, как это оскорбительно для Бога и людей. Затем начали служить молебны, пели буквально все. Да, истинно на всяком месте может прославляться имя Господне!».

Богослужения, проповеди, отпевания совершались порой в тяжелейших и опасных для жизни условиях: «Полк перешел на самые передовые позиции. Сегодня ночью двуколка опрокинулась и сильно раздавила нашего солдата. Иду в обоз приобщить его; лежит на земле, я стал на колени рядом, Св. Дары поставил на чемодан и таким образом поисповедал и причастил его. Как он был рад! До чего доводит война! Думал ли я когда-нибудь приобщать больных прямо на земле, почти на навозе, среди лошадей?!».

При этом отец Митрофан наравне со всеми солдатами устанавливал палатки, ухаживал за лошадьми, то есть был погружен во все бытовые заботы. Походные условия усложнялись еще суровым климатом: проливными дождями, свирепыми ветрами с песчаной бурей, ночным морозам и т.д. «Ветер в спину. Тучи пыли и песку гнались за нами», - так отец Митрофан описывал непогоду.

«У меня сейчас мысль: ну окончилось внешнее сражение, затихли внешние неприятели, отдыхают полководцы, теперь значит пора нам, священникам, начинать духовную битву с внутренними врагами, им же имя легион: уныние, тоска по родине и близким, сомнение, физическое страдание- все это то, с чем на войне особенно необходимо бороться».

В 1905 г. отец Митрофан был назначен благочинным 61-й пехотной дивизии и в этой должности прослужил до окончания войны.

Летом 1906 г. он вернулся с полком в Орел.

Возвращение героев и боевые награды отца Митрофана Сребрянского

2 июня 1906 года отец Митрофан вместе с полком вернулся в Орел. Запись из его дневника: «... Милость Божия не покинула нас до конца: в полку за все время не было никаких волнений. С великою любовью встретившие нас несметные толпы народа, свидание с родными, ласковый взор духовных детей и общая благодарственная молитва в родном храме заставила сразу забыть от всего прошлого, от пережитых двух годов скорби, трудов, неудач и из глубины сердца сказать «Слава Богу за все!».

Город Орел готовился к встрече героев. В газете «Орловская речь» от 4 июня 1906 г. была размещена заметка о торжествах по случаю возвращения Черниговского полка «Около одного вагона столпилась особенно тесная толпа. Наконец среди толпы показался в дверях вагона всем городом глубокопочтимый полковой священник о. Митрофан Сребрянский. Толпа заволновалась еще сильнее, дружным хором приветствуя его и обступая

кольцом, просила благословения. О. Митрофан с трудом продвигаясь вперед и любовно благословляя народ, направился в полковую церковь».

На торжества в Орел прибыла Великая княгиня Елизавета Феодоровна (Августейший шеф 51 Черниговского драгунского полка).

Местные газеты писали «...Ея высочество в светлом туалете вышла из салон-вагона...в сопровождении фрейлины, губернатора и должностных лиц последовала к церкви Черниговского Драгунского полка, милостливо отвечая по пути на приветствия публики. На площадке перед храмом был выстроен полк в пешем строю, хор трубачей. Перед фронтоном полка была разбита пожертвованная Ея высочеством полку перед отправлением его в Маньчжурию походная церковь- палатка, отбывшая с полком всю компанию. Здесь ожидал Великую княгиню полковой священник о. Митрофана».

За выдающиеся пастырские заслуги, проявленные во время войны, отец Митрофан 12 октября 1906 года был возведен в сан протоирея и награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте.

В служебном формуляре отца Митрофана записано: «Был в сражениях:

Ляоянском, Шанхайском, набегах на Инкоу, Мукденских, у д. Санвайцзы». Во всех означенных сражениях под огнем неприятеля совершал богослужения, напутствовал раненых и погребал убитых.

Так окончилось для отца Митрофана серьезное испытание Русско-Японской войной, которое он выдержал с честью.

Служение в Марфо-Мариинской обители

В 1908 году Великая княгиня Елисавета Феодоровна усиленно трудилась над проектом по созданию Марфо-Мариинской Обители. Предложения по устройению Обители были поданы от нескольких лиц. Представил свой проект и священник Митрофан Сребрянский. Именно его проект и Устав оценила Великая княгиня Елизавета Феодоровна и пригласила отца Митрофана на место духовника и настоятеля обительских храмов.

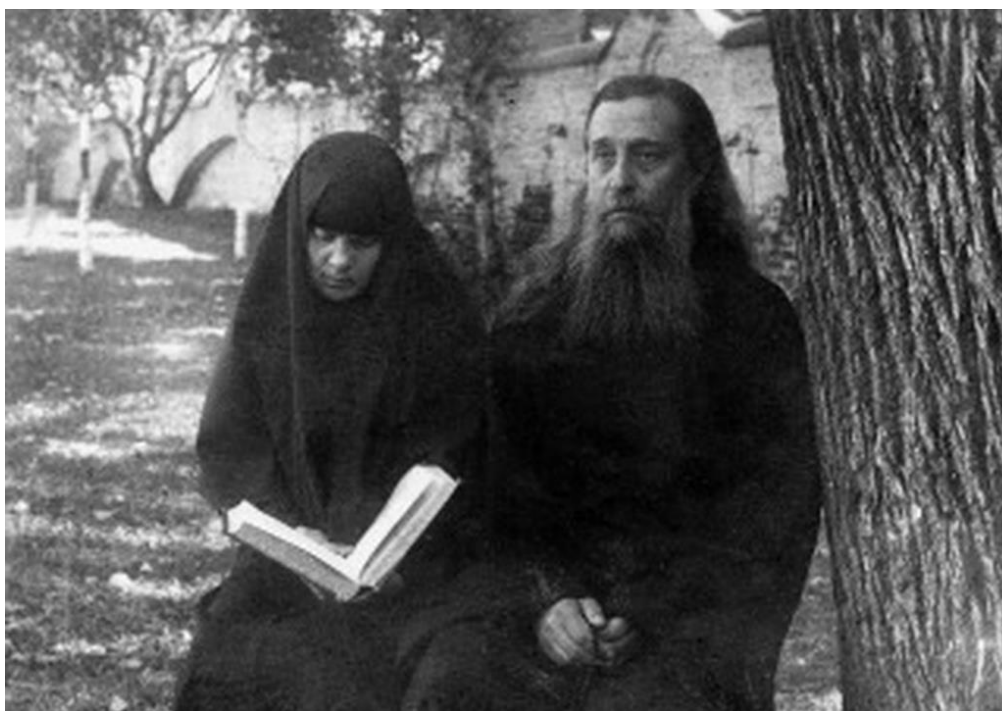
На тот момент отец Митрофан служил священником в Орле, где у него сложились прекрасные отношения с паствой, с которой он не хотел расставаться. Не смея отказаться от предложения Великой княгини Елизаветы Феодоровны, отец Митрофан обещал подумать.

Прихожане тоже тяжело восприняли новость о возможном переезде их пастыря в Москву. Отец Митрофан сомневался, и даже хотел остаться в Орле. Но дважды при таких мыслях и намерениях у него отказывала рука, что он воспринял как прямое указание на то, что воля Божия о нем – продолжать служение в Москве.

Отец Митрофан подал прошение о переводе в Обитель. 17 сентября 1908 года митрополит Московский Владимир назначил его настоятелем Марфо-Мариинской и строящейся Покровской церквей на Большой Ордынке. Отец Митрофан, поселившись в Обители, сразу же принялся за служение, отдавшись ему всей душой.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна поставила перед ним сложную задачу: разработать правоустанавливающие документы, которые бы отразили и узаконили все стороны жизни Обители и милосердного служения. Для этого отец Митрофан подробно изучал уставы женских монастырей и другие церковные документы, собирая нужную информацию. Так родился первый Устав Марфо-Мариинской обители милосердия.

Великая княгиня Елизавета Федоровна высоко ценила отца Митрофана, об этом она писала в письме Императору Николаю II: «Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, оказывает мне огромную помощь и подает пример своей чистой, простой жизнью, такой скромной и высокой по ее безграничной любви к Богу и Православной Церкви. Поговорив с ним лишь несколько минут, видишь, что он скромный, чистый и человек Божий, Божий слуга в нашей Церкви».

В 1912 году состоялось знаменательное событие в жизни Обители — освящение главного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В этом же году было издано сочинение отца Митрофана Сребрянского «Мысли и

чувства православной русской души при посещении Покровского храма Марфо-Мариинской Обители милосердия».

Отец Митрофан написал и «Наставление отца духовного сестрам Обители», которое было издано в 1914 г. В этих наставлениях отражен тот духовный идеал, к которому должны был стремиться сестры милосердия, служившие в начале XX в. в Марфо-Мариинской обители.

Отец Митрофан был хорошим проповедником, послушать его проведи в Покровский собор Обители собиралось множество людей. Талант красноречия дополнялся любовью к людям и желанием им помочь, поэтому слово священника доходила до людских сердец. Священник проводил духовно-просветительские беседы с прихожанами и сестрами Обители. Великая княгиня Елизавета Феодоровна писала: «Батюшкины лекции очень интересные, просто исключительно, так как он не только глубоко верующий, но еще безгранично начитанный человек».

В 1916 году о. Митрофан был награжден митрой за «отлично-усердное служение Святой Церкви, труды по обстоятельствам военного времени и полезную деятельность в обители».

После революции 1917 г. обстановка вокруг Обители накалялась, вторжения хулиганов чередовались с инспекциями новой власти.

На третий день Пасхи 1918 г., 7 мая, была арестована Великая княгиня Елизавета Феодоровна.

Из воспоминаний сестры Обители: «Накануне дня Ее ареста Она встала на клирос, что было неожиданно для всех, и пела вместе с сестрами. Всех поразила сила и красота Ее голоса. Приехали за Ней на третий день Пасхи, — Иверская Божия Матерь. Тут же вся Обитель узнала, сбежались все. Она попросила дать Ей два часа — все обойти, сделать распоряжения. Дали полчаса. Все молились на коленях в больничной церкви вместе с Батюшкой, а когда стали Ее забирать — сестры бросились наперерез: «Не отдадим Мать!» — вцепились в Нее, плач, крик. Кажется, не было сил, чтобы их оторвать. Батюшка стоит на ступенях, слезы градом по лицу, и только благословляет их, благословляет... И сестры бежали за машиной, сколько хватило сил, некоторые прямо падали на дорогу.

Обитель осталась без Матушки, но и в тяжелейшие годы Гражданской войны под чутким духовным водительством отца Митрофана сестры продолжали справляться со своими обязанностями.

В 1919 году Святейший Патриарх Тихон, хорошо знавший отца Митрофана, наградил его Грамотой. В это время решился для священника Митрофана и его супруги матушки Ольги по взаимному согласию решился вопрос о монашестве. Много лет живя в супружестве, они воспитали трех племянниц-сирот, но имели своих детей.

В 1919 году патриарх Тихон совершил постриг протоиерея Митрофана с наречением ему имени Сергей и впоследствии возвел его в сан архимандрита. А матушка Ольга, жена отца Митрофана, стала монахиней Елисаветой.

В 1919 году исполнилось 25 лет священнического служения отца Митрофана. В этот день духовные дети поднесли ему поздравительный адрес, полный искреннего чувства благодарности к своему пастырю: «Среди всякого рода неудобств, стеснений и лишений Вы несете на своих руках великий труд духовного управления и руководства многолюдною Обителью - и кто может вполне понять, чего это стоит Вам, сколько препятствий приходится Вам преодолевать, сколько страдать, отстаивая и сохраняя строй и устав Обители и те вечные евангельские заветы бескорыстной любви к Богу и ближним, которые положены в основе ее...Вашими попечениями благоустроенная святая Обитель, как светоч, сияет среди облегающего мрака зла и скорбей. Только в ней, в святых ее храмах, за благолепным богослужением ее, назидательными беседами Вашими и поучениями мы и находим себе теперь единственную отраду и утешение. Сюда несем и скорби свои, и недоумения, и сомнения, и недуги душевные и телесные, - и всегда оживаем душою, ободряемся, освящаемся благодатными таинствами, врачуем недуги и от суеты и скорби земной возносимся духом горе».

Гонения за веру были страшные, но Сергей (Сребрянский) продолжал служить.

В 1922 году началась программа по изъятию церковных ценностей из храмов. Многие священнослужители были арестованы, некоторые расстреляны. Одним из предъявляемых им обвинений было чтение в храмах послания Патриарха Тихона, который выступал против изъятия освященных предметов и сосудов, «употребление которых не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею, как святотатство». Отец Сергей за чтение Послания был арестован в марте 1923 года. Пять месяцев он томился в тюрьме без предъявления обвинения, а затем был выслан на год в Тобольск.

Это был первый арест и ссылка архимандрита Сергия (Сребрянского). Впереди его ждали еще 16 лет лагерей и ссылок. О ссылках и последних годах жизни пастыря в с. Владычня читайте на нашем сайте в течение декабря.

Аресты, последние годы жизни во Владычне

Тюрьмы и ссылки

В 1925 г. власти приняли решение закрыть Марфо-Мариинскую обитель милосердия.

Часть зданий отобрали под поликлинику, обительскую квартиру отца Сергия тоже планировали забрать. Посыпалась череда клеветнических доносов. Священника арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму. Его супруга монахиня Елисавета сразу же принялась хлопотать об освобождении. Тогда дело прекратили, и отец Сергей был освобожден.

К этому времени почти всех сестер отправили в ссылку. Отец Сергей и монахиня Елисавета решили выехать на родину матушки в село Владычня Тверской области.

Здесь подвижник служил в Покровской церкви, подвизался как духовник и проповедник. Люди знали его как молитвенника и человека святой жизни, обращались к нему за помощью.

Но были и недоброжелатели. В 1930 г. по доносам последовал очередной арест. Батюшку с больным сердцем увезли в Тверскую тюрьму. Он был осужден на 5 лет и выслан в Архангельскую область, побывал в лагерях на Кандалакше и Печоре. В эту ссылку за ним поехали матушка Елисавета и монахиня Милица, добрый друг и помощник в скитаниях.

Величественная и суровая природа Севера произвела большое впечатление на исповедника. «Огромные ели, закутанные снежными одеялами и засыпанные густым инеем, стоят как зачарованные, – вспоминал он, – такая красота – глаз не оторвешь, и кругом необыкновенная тишина... чувствуется присутствие Господа Творца, и хочется без конца молиться Ему и благодарить Его за все дары, за все, что Он нам посылает в жизни, молиться без конца...».

Ссылные священники работали на лесоразработках и сплаве леса. Архимандрит Сергей трудился на ледянке – водил по ледяной колее лошадь, таскавшую бревна.

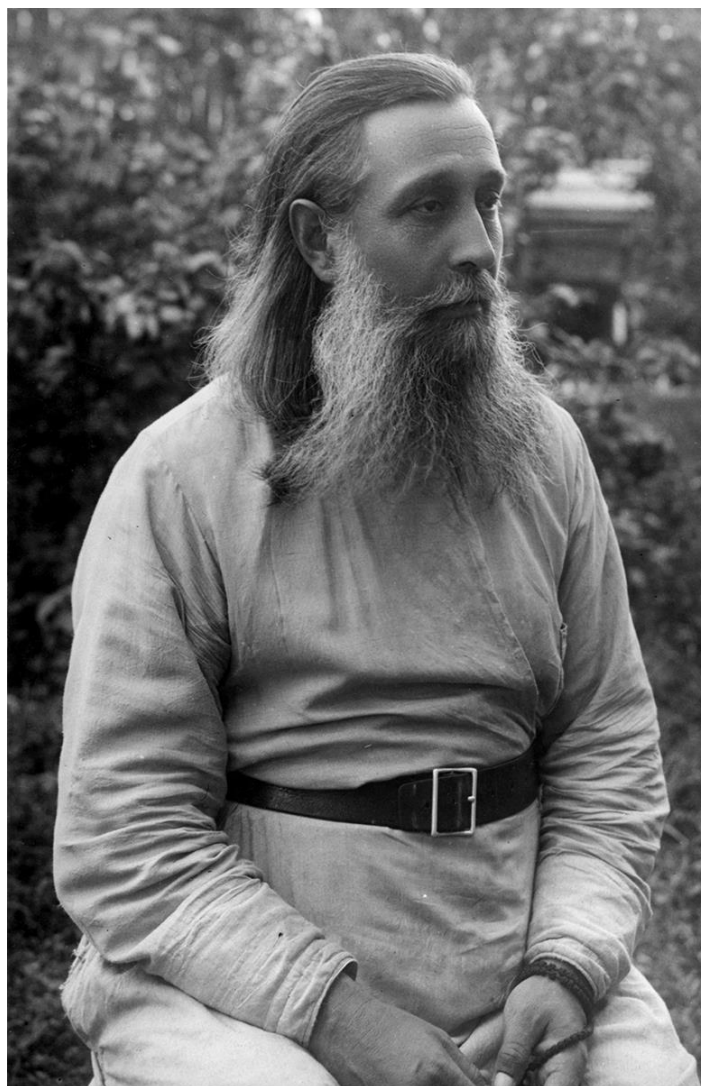

Вот как он описывал эти годы: «К большой сосне прислонюсь и сплю. Иногда вижу, сзади снежная пыль столбом, мчатся надсмотрщики. Изобьют нагайками, плетками и мчатся дальше: такое у них развлечение было. Если

бы сейчас пришел тот, я бы посадил его в красный угол и накормил самым лучшим. Я ему уже давно все простил».

На Севере было очень голодно, тогда пригодилась любовь батюшки собирать грибы. Он их умело находил и вкусно готовил.

Близкие отца Сергия вспоминали: «В быту он был очень скромн и неприхотлив. Пища была простая, всегда постная и без мяса. Любил винегрет и особенно грибы. Сам их собирал и готовил виртуозно грибные блюда».

Годы ссылки оставили след в привычках отца Сергия. Его крестница Елена Антонова рассказывала: «Батюшка Митрофан с матушкой обедали из одной тарелочки, так они привыкли, когда батюшка был на каторге». Спал он всегда одетым, вероятно, также по лагерной привычке: брюки стеганные и обжимка (легкая стеганка). Один раз решил раздеться, но так и не смог уснуть.

Несмотря на болезни и возраст – священнику к тому времени было уже 60 лет, старец с помощью Божией выполнял норму, отмеренную ему начальством. Когда приходилось корчевать пни, он делал это один и в короткое время. Такая каторжная работа не прошла бесследно, впоследствии отец Сергей страдал стенокардией.

У отца Сергия был талант делать макеты. В его комнате всегда стоял сделанный своими руками макет церкви. Местным деревенским детям он сделал макет паровоза с пассажирскими и товарными вагонами, которых они не видели ни разу в жизни по дальности тех мест от железных дорог.

За усердную и честную работу отцу Сергию сократили срок пребывания в ссылке. Перед отъездом он устроил обед своим заключенным товарищам. Все были изумлены: раньше так никто никогда не делал.

В 1933 г. отец Сергей вернулся из ссылки, в Москве он мог остановиться только на один день, и это был его последний визит в Обитель. Проживать в Москве ему было запрещено. Он простился с закрытой и разоренной Обителью и отправился во Владычню.

Во Владычне

Первое время во Владычне вместе с отцом Сергием и матушкой жили сестры Обители – Мария Петрова, Фрося и Зина.

Жили они в небольшой избе с русской печью, кирпичной лежанкой и просторным двором. Покровский храм во Владычне был закрыт, и отец Сергей ходил молиться в соседнее село. Впоследствии власти стали выказывать неудовольствие по поводу его появления в храме, и батюшка молился дома.

«Дедушка Митрофан был седым стариком с длинными белыми волосами и бородой.

Сильное впечатление произвел на меня иконостас в доме, казалось, он освещал избу мягким светом. Во время службы лицо дедушки было особенным, вдохновенным. Тесная комната избы не вмещала пришедших.

Я ощущал мир любви!», – так рассказывал о знакомстве с праведником внучатый племянник отца Сергея.

У отца Сергея было много родственников, которые навещали его. Он любил общаться с маленькими детьми, всех старался крестить.

Однажды родственник в тяжелые послевоенные годы привез солдатские брезентовые сапоги для батюшки. Как же он был доволен! Любил, как полковой священник, быть в сапогах, чтобы чувствовать себя подтянутым. Летом в них ходил за ягодами и грибами.

По вечерам на завалинке после молебна отец Сергей беседовал с молодежью. Рассказывал о Русско-японской войне, Обители и, конечно, о Великой княгине Елизавете Феодоровне.

Несмотря на свой преклонный возраст и плохое здоровье, он активно участвовал в строительстве дома для своего племянника. Батюшка все рассчитал, как настоящий архитектор и строитель: снял замеры, составил план. Своими руками сделал лестницу, утеплил дом. Этот дом цел и сейчас.

Во время Великой Отечественной войны, когда немцы захватили Тверь, во Владычне расположилась русская воинская часть. Здесь ожидался тяжелый бой с немцами. Жителям можно было отойти дальше от передовых позиций, но отец Сергей, монахини Елизавета и Милица остались.

Почти каждый день над селом летали немецкие самолеты, но ни разу ни одна бомба не попала сюда. Это отметили и военные, у которых возникло ощущение, что село будто находится под чьей-то защитой. Однажды

батьюшка пошел на другой конец села со Святыми Дарами причастить тяжелобольного. Один из часовых остановил его и, пораженный видом убеленного сединами старца, бесстрашно шедшего через село, непроизвольно высказал ту мысль, которая владела умами многих: «Старик, тут кто-то молится».

Местные жители, очевидцы событий, приписывают чудесное избавление села от смертельной опасности молитвам отца Сергия.

Последний период жизни отца Сергия (Сребрянского) стал временем старчества. Он ежедневно наставлял и окормлял своих духовных чад и жителей окрестных сел. Из Москвы, Твери и других городов к нему ехали и шли пешком. Гостей издалека он оставлял ночевать у себя, для каждого находил время и ласковое слово. Около крыльца заботливо ставил ведро со свежей водой и кружку, чтобы каждый гость мог напиться и умыться.

За исповеднический подвиг, праведную жизнь и глубокое смирение Господь наделил отца Сергия дарами прозорливости и исцеления. Он сам со смирением говорил, что люди считают его прозорливым, а на самом деле «это действует благодать священства».

Сохранилось немало воспоминаний и историй, когда по молитвам старца люди получали исцеление.

В последние годы жизни отца Сергия его духовником был протоиерей КвинтилианВершинский, который сам несколько лет пробыл в заключении и хорошо знал, что такое тяготы гонений. В Доме-музее Великой княгини Елизаветы Феодоровны хранится крест отца Квинтилиана, к которому прикладывался батюшка.

Сохранились воспоминания протоиерей Квинтилиана об отце Сергии (Сребрянском): «Всякий раз, когда я беседовал с ним, слушал его проникновенное слово, передо мной из глубины веков вставал образ подвижника-пустынножителя... Он весь был объят божественным желанием... Это чувствовалось во всем, особенно – когда он говорил. Говорил он о молитве, о трезвении – излюбленные его темы. Говорил он просто, назидательно и убедительно. В нем меня все удивляло, все было необыкновенно. Удивляло его незлобие.

Как-то раз он заметил мне: “Плохих людей нет, есть люди, за которых особенно нужно молиться”. В беседах его не было даже и тени неприязни к

людям, хотя он и много страдал от них. Не менее поразительно было и смирение его. Как-то раз он сказал мне: “Вы счастливы, очень счастливы, ибо стоите у Престола Божия, а я вот за свои грехи и недостойнство лишен этой милости Божией».

С людьми отец Сергей был необыкновенно кроток и ласков. В душе собеседника он быстро находил больное место и врачевал.

В последние два года жизни батюшка много болел. Предчувствуя свой уход, он писал одной из сестер Обители: «...оканчиваем земную жизнь, прощай и прости. Уходим с любовью к Вам и ко всем, с кем в жизни приходилось встречаться. Нас никто не обидел, слава Богу за все!». Такие слова любви и благодарности написал человек, прошедший каторгу, издевательства и тяжелое время гонений за веру.

За три дня до смерти к отцу Сергию во Владычню приезжала бывшая сестра Обители Агриппина. Были объятия, слезы, целования после тридцати с лишним лет разлуки. Батюшка к этому времени уже не вставал, тяжело болел воспалением легких. Он ни на минуту не отпускал Агриппину, и днем, и ночью вспоминал годы служения в Обители и Великую княгиню Елизавету Феодоровну.

А также поведал о своем плане возрождения Обители. И в последние часы своей жизни он мечтал служить Богу и делам милосердия.

5 апреля 1948 г. архимандрит Сергей (Сребрянский) отошел ко Господу на 77-м году жизни. Перед смертью он посмотрел на небо и сказал: «Когда я умру, приходите на мою могилку. Если буду иметь дерзновение у Господа, я вам помогу».

На похороны съехалось множество народа, священники и несколько сестер Обители. Когда поставили гроб и стали прощаться, люди достали иконки и стали прикладывать к телу батюшки. Уже тогда они чувствовали, что жили рядом со святым человеком.

*Тест составлен Домом-музеем Великой княгини
Елизаветы Феодоровны
в 2021 г.*

Копирование материалов и фотографий разрешено
только с указанием источника.

